Рабочая неделя только началась. Мужчины лениво перемещаются по кабинету, кто-то включил чайник. Перед работой следует разогреться, перекурить. Обдумать дела насущные, словом, собраться с мыслями. А то они, мысли, как-то разбегаются после выходных. Понедельник и впрямь день тяжелый, но совсем не потому, что предстоит начало каких-нибудь грандиозных дел, или, скажем, шеф решит воплотить в жизнь одну из своих новых идей. Просто тяжело и все.

Офисные телефоны пока молчат, но, где-то ближе к двенадцати, начнется «горячий цех», и наш отдел превратится в потревоженный улей. Ничего не поделаешь, суровые будни управленческой деятельности.

А пока мы, не без легкого раздражения, разглядываем друг друга, нехотя переговариваемся ни о чем.

В отделе нас пятеро. Каждый ведет свое направление, и за девять лет совместной работы мы изучили друг друга даже больше, чем этого требуется для нормальных взаимоотношений. Мы настолько «срослись», что иногда я, например, наперед знаю, что скажет Диван (он же — Дмитрий Иванович Жихлев), и что ему на это ответит Капитан Врунгель (Василий Васильевич Бердяков). Знаю также, что сейчас Матроскин (Саня Стрюков) будет играть на компьютере в карты, внаглую, хотя существует неписаный закон отдела — все игры в личное время после работы. Он дождется, пока Бодулай (заместитель начальника отдела — Бодунов Николай Ильич) сделает ему замечание, на что он скажет: «У меня творческий перерыв, но если Вы, Ильич, так настаиваете...»

Девять лет вместе просто так не проходят и накладывают свой отпечаток на характеры, повадки, стиль поведения, и даже на внешность сотрудников. За это время климат в коллективе претерпевает существенные изменения, которые можно условно разбить на четыре стадии. По началу он достаточно теплый: все проявляют безграничное уважение и заботу в отношении к товарищам, стремление оказать помощь, а иногда и прикрыть в трудный момент. Для этого периода характерны безобидные шутки, коллективный отдых в выходные, дружба семьями и даже совместные поездки на море.

Потом, как-то исподволь, незаметно, включаются посторонние факторы. Например, на полную катушку начинает свою работу система стимулирования и поощрения отличившихся, а также повышения по службе наиболее старательных работников. В коллективе начинается похолодание, а именно соперничество с элементами тихой ненависти, а также кучкованием мелкими группами в тихих углах и обсуждением насущно важных вопросов типа: «Почему его, а не меня?»

Дальше наступает ледниковый период. Тихая вражда постепенно перерастает в открытое противостояние. Начинаются скандалы, науськивание, конфиденциальные доклады шефу и подставы по мелким (опоздание на работу, критика руководства в курилке) и достаточно серьезным вопросам (подделка подписи шефа на просроченном документе, отчет, направленный в Главк, ни с кем не согласован и т.д.).

И, наконец, когда баталии по окончательному распределению мест и ролей утихают и все устают от ненужных побед, наступает четвертая стадия — прохладный октябрь. Вялое безразличие, увязанное с нескрываемым злорадством в случаях, когда кто-либо из товарищей терпит фиаско (не важно по какому поводу: задержан пьяным милицией и в адрес фирмы пришла телега; вдребезги разбил новую машину; получил строгое взыскание от Большого Босса и много еще по каким поводам). Одна из хороших примет этой стадии: создание очереди среди сотрудников для получения поощрений, подарков и повышений. (Повышения-поощрения, как правило, мелкие и ничего не значащие).

И если раньше (на первой стадии) рабочий день часто оканчивался небольшим застольем, или заходом по пути в кафе, с участием всех, то теперь (на четвертой стадии), все стараются разойтись по возможности незаметно, и желательно каждый — своей дорогой.

Я думаю, что, наверное, нельзя допускать, чтобы люди такое длительное время, образно говоря, варились в одной кастрюле. Куда смотрит руководство? Понятно куда... Руководству «глубоко фиолетово», как относятся сотрудники друг к другу в том или ином отделе. Руководство интересует качество и быстрота, с которой выполняются задачи, и оправдывает ли вообще свое существование тот или иной коллектив.

Сегодня все как обычно, и утро очередного понедельника даже радует свей повторяемостью. Что может быть лучше стабильности? Наш босс (начальник отдела и, одновременно, заместитель Большого Босса — генерального директора) в это время на совещании, как раз у Большого Босса, и в ожидании указаний на предстоящую неделю, которые поступят самое раннее к обеду, можно расслабиться, чем мы и занимаемся.

Я копаюсь в бумагах, то есть, раскладываю документы по папкам и ем яблоко. Мыслями я во вчерашнем дне, когда, пытаясь вкрутить лампочку в светильник на кухне, потерял равновесие и загремел со стремянки на кухонный стол, в результате чего половина кофейного сервиза превратилась в черепки, и жена сказала, что от меня в доме одни убытки.

Капитан Врунгель ест кекс, тщательно пережевывая и запивая кофе, Диван шарит в Интернете, наверное, в поисках дешевого садового инвентаря...

Звонит рабочий телефон на столе у Бодулая, но никто не подходит. Бодулай курит на лестнице, остальные отлично знают аксиому: «Возьмешь руками, пойдешь ногами». Но телефон все трезвонит, и первым не выдерживает самый молодой (и потому, самый глупый) Матроскин. Сотрудники, глядя, как он подходит к столу замначотдела и тянется к трубке, ехидно улыбаются.

— А чего вы? Может ему хотят сообщить, что квартиру заливают сверху! Или угнали машину. Алло, Стрюков у телефона!

Ленивое выражение лица становится сначала озабоченным, потом решительно-подобострастным: вас понял, сейчас передам, Станислав Иванович, да-да, Станислав Иванович, конечно, Станислав Иванович...

Все понятно, неожиданный звонок босса не предвещает ничего хорошего, особенно, когда его совсем не ждешь. В этот момент Бодулай вернулся с перекура:

— Черт-те что! — возмущается он,— Оказывается, вчера наши не выиграли, а проиграли...

— Шеф, вас вызывает Босс, и он очень недоволен,— весело докладывает ему Стрюков.

— А чего ты улыбаешься, Матроскин,— подает голос Диван,— Ильич, объяви ему выговор!

Бодунов поправляет галстук, берет рабочий блокнот, две ручки и со словами: «Запомните меня веселым», покидает кабинет.

Что-то быстро закончилось совещание у Большого, раз наш начальник вызвал зама, наверное, какой-то срочняк. Может — очередная реорганизация и наш отдел сократят? А может, принято решение о разработке нового усовершенствования, и это ответственное задание поручат нашему отделу? В любом случае неожиданный вызов Бодулая означает внеплановую работу, а куда еще внеплановую, если плановой завались! Одних планов двадцать пять тысяч штук, а когда их выполнять... Все это мы обсуждаем, покуривая на лестнице, пока не появляется уборщица по имени Жанна, с ведром и шваброй («Ну-ка, живо, все отседова, брысь»).

— Итак, господа чиновники,— Бодулай раскрывает свой блокнот,— нас, а точнее вас, ждет пренеприятное известие, а именно, организуется срочная командировка в составе комиссии от управления, и от нашего отдела один представитель, йо-хо-хо!

— А почему это, «вас», а не «нас»? — подозрительно прищурившись, спрашивает Капитан Врунгель,— или вы уже полетели прямо на солнце и решили оторваться от коллектива, уважаемый замнач?

— А потому, дражайший Василь Василич, что наш дорогой босс оставляет меня при себе в любом случае, что, собственно, автоматически исключает меня из претендентов на романтическое путешествие. Или вы хотите оспорить решение Станислав-Иваныча?

— А ну, не чипай батька! — вставляет свои пять копеек Диван,— нехай начальство охраняет. М-да...

— Значит, мужики,— продолжает Бодунов,— командировочка на две, а может, и на три недели, возможно с проверкой. Куда — это вопрос, пока не сказали. И состав, а самое главное, председатель комиссии еще не определены. Но сегодня к обеду надо подать нашего человека для подготовки проекта приказа. Вот, значит, Станислав Иваныч и предложил нам самим решить, кто поедет...

— Что-то на него не похоже,— задумчиво щелкая авторучкой, говорит Капитан Врунгель,— к чему бы это? Уж не связана ли командировка с какой-нибудь бякой? А, Бодулай? Давай, колись на коллективе, знаешь ведь что к чему! Чего это босс, вдруг, стал демократом?

— Вася, не делайте предположений,— с одесским выговором замечает Диван,— раз надо, значит-таки надо...

— Во-во! — соглашается Бодулай,— правильно, Дмитрий. Правильно понимаешь политику партии. Босс всегда прав, а потому давайте решать, кто возьмет на себя трудную, но очень почетную миссию представлять наш отдел в комиссии...

— Предлагаю жребий, потянем спички,— пищит из своего угла Матроскин,— это будет справедливо...

— Подожди, Стрюков, со спичками... Может кто-нибудь сам желает, а у кого-то, может, обстоятельства. Вот ты, например, не желаешь поработать на благо отдела, с выездом? — Бодулай смотрит на него в упор, и все присоединяются. Матроскин сначала ежится под колючими, исподлобья, взглядами сотрудников. Потом как-то неопределенно: «Дык я того, ничего, собственно, так вот...» Пауза. Вопрос завис, и слышно, как поскрипывает перо чернильной ручки Дивана, он раскрашивает профиль Станислава Ивановича, который набросал в рабочей тетради на прошлом совещании.

Вообще-то у нас штатный командировочный — Капитан Врунгель. Любит он это дело, новые знакомые, новые встречи, маленькие командировочные приключения, о которых можно потом рассказать товарищам. К тому же есть и прямая выгода: пока он там якобы «вкалывает на выезде», здесь его работу сделает кто-нибудь другой (часто этот другой — я), особенно, когда надо готовить срочный документ и сроки поджимают.

Но в последнее время он стал ездить по командировкам избирательно. Я бы сказал, уж очень избирательно. И даже выработал определенные критерии, по которым он поедет, либо попытается отвертеться от очередной командировки.

Во-первых — пункт назначения: Санкт-Петербург — да, Калиниград — да, Сочи — да, Ростов-на-Дону — обязательно (там у него родственники). Тамбов — нет, Егорьевск — нет, Тула-Воскресенск-Йошкар-Ола — нет, нет и нет! Во-вторых — мера ответственности. Чем выше ответственность за результаты работы в командировке, тем меньше вероятности, что Капитан Врунгель там окажется. Он согласен, если надо будет по итогам поездки составить простой отчет, в крайнем случае, акт с подписями всех членов комиссии. Однако, если вдруг придется лично составлять подробный доклад с выводами и предложениями за своей подписью, то уж извините, дорогие товарищи, это без меня. В-третьих — очень тщательно изучаются разные житейско-сервисные условия: проживание, питание, оплата проезда, командировочные расходы, поезд-автобус-самолет. Если поезд, то с кем в купе... Кроме того, хорошо бы (и даже желательно), чтобы в составе рабочей группы были женщины (из других отделов, министерств, ведомств, неважно). И все в таком духе.

Вот поэтому Василий и прощупывает почву, задает всякие вопросы, потому что отлично понимает, что рано или поздно кто-нибудь из нас предложит ему съездить, как закаленному бойцу дальних странствий. А ехать незнамо куда и незнамо зачем — дудки, пусть, вон, Матроскин едет.

— Ну, так как? — Бодулай вытаскивает сигарету и нюхает ее,— я жду ответа на поставленный мною вопрос.

Имеется в виду не только Стрюков, вопрос задан всем нам, и Бодулай хочет услышать конкретные предложения.

Первым голос подает Диван.

— Шеф, я бы поехал,— говорит он, и кажется, что говорит искренне, но это только кажется, потому что он уже придумал причину, по которой никак не может поехать,— ты же меня знаешь... Но, у меня на 12-е число запись на углубленное медицинское обследование — по большому кругу, от офтальмолога до уролога, всех надо пройти. Я три месяца ждал в очереди, и теперь что, из-за командировки пропустить? Никак нельзя. Если что, я и справку могу показать. Завтра.

Взор его чист и кроток, как у пастушка. Отмаз приличный, и то, что углубленное обследование можно пройти и после командировки (нужно только договориться с лечащим врачом) во внимание пока не принимается. Ждем, что скажет следующий. Следующий — Капитан Врунгель, он уже всем видом показывает, что сейчас будет говорить, в таком деле инициативу упускать нельзя, во всяком случае, нельзя быть последним.

— Мужики,— говорит он ровным голосом, монотонно, с металлическими нотками, он так обычно разговаривает с подчиненными организациями по телефону,— если по большому счету, то я уже устал от командировок. Вы же знаете, что только за этот год у меня больше семидесяти суток командировочных, никто в управлении больше меня не ездит. Так что я — пас. И потом, не забывайте, что с седьмого по четырнадцатое я участвую в конференции, с выступлением. Опять же, я туда не напрашивался. У меня тут делов — ВО!

Молодец, браво, Капитан Врунгель. Насчет того, что много командировок, это, конечно, правильно (надо еще только посмотреть, что это были за командировки, и куда), а вот насчет конференции — это отличный ход. Международная конференция (обмен мнениями и опытом по самому широкому кругу вопросов: организации совместной работы в различных областях производства и распределения, и прочая ерунда) проводится на подмосковной ведомственной базе отдыха. Расходы по размещению, питанию и обслуживанию участников берет на себя организационный комитет конференции. Участвуют ребята из ближнего и дальнего зарубежья, улучшенное питание, культурная программа и все такое прочее.

И то, что он туда не напрашивался — чистая правда, только вот, в телеграмме, которая пришла из Главка на управление, а потом и поступила в отдел, почему-то была прописана конкретно его, Врунгеля, фамилия и инициалы — Бердяков В.В., и еще, что он выступает на конференции с обзором (текст обзора прилагался).

— А что нам скажет товарищ Стрюков? — Бодулай, еще раз понюхав сигарету, аккуратно укладывает ее в пачку.

— А я ничего не скажу, кроме того, что у меня начинается сессия, с завтрашнего дня — четыре экзамена и шесть зачетов. Вы же сами, Николай Ильич, мне подписали заявление, с условием, что до обеда я на сессии, после обеда — работаю в отделе...

Матроскин у нас студент-заочник, будущий видный экономист, а ныне слушатель Новой Всеобщей Экономической Академии имени... имени кого-то там (частная лавочка по производству дипломированных специалистов-недоучек). Два года назад Матроскин, подготовив пачку рекомендаций за подписью уважаемых и известных людей, пролез туда без мыла. Мало того, он сумел провернуться так, что, как малоимущий, был зачислен на отделение бесплатного обучения. Теперь, кроме планового летнего отпуска, у него было два учебных, весной и осенью.

Правда, Бодулаю надоели бесконечные жалобы Дивана, который в отсутствии Матроскина был вынужден тянуть его участок работы, и в этот раз он поставил условие: либо Матроскин проходит свое обучение без отрыва от основной работы, либо пусть ищет себе другое место.

Однако, сессия есть сессия. Неявка на экзамен равносильна отчислению, никакие оправдательные аргументы не принимаются, так же как официальные письма, запросы и справки. Посему Матроскин, он же Александр Стрюков, автоматически исключается из возможных кандидатов на поездку в командировку.

Все посмотрели на меня. Бодулай снова вынул из пачки сигарету и стал ее усердно нюхать. Капитан Врунгель прикрыл ладонью глаза, чтобы спрятать издевательскую улыбочку. Диван сидит напротив меня и рисует очередной профиль в рабочей тетради, на этот раз кого-то с большими ушами. Разглядеть, как следует, я не успеваю, надо отвечать.

— У меня, братья мои,— начинаю я,— нет особых причин, чтобы не ехать в эту командировку. Просто мне, как и всем вам, не хочется ехать в эту командировку. Я, конечно, могу перечислить все срочные документы, которые мне необходимо было подготовить еще вчера. А так же рассказать о четырех запланированных встречах, которые откладывать было бы очень нежелательно, но, в принципе, возможно... Я

также не буду загружать вас парочкой серьезных задач, которые нарезал мне лично Станислав Иванович. Я думаю, что вы, Николай Ильич, должны, невзирая на доводы уважаемых коллег, взять и волевым решением назначить достойнейшего товарища для выполнения этого ответственейшего задания. Хау, я все сказал.

Раздался звонок, теперь уже на мобильном Бодулая. Скорее всего, звонит босс, узнать, что решила стая. Так и есть.

— Да, Станислав Иванович. Нет, Станислав Иванович... Конечно, Станислав Иванович! Проблем нет, Станислав Иванович... Что? Загранпаспорта? Не знаю пока... Сейчас уточню...— Бодулай прикрывает ладонью телефон и с широко раскрытыми глазами громким шепотом спрашивает: — У кого есть загранпаспорт, ну, быстрее!

Диван и Капитан Врунгель переглядываются, затем утвердительно кивают. Матроскин, как школьник-отличник, тянет руку. Загранпаспорта есть у всех, кроме меня. Мой — в стадии оформления.

— Станислав Иванович,— продолжает доклад Бодулай,— заграничные паспорта есть у Жихлева, Бердякова и Стрюкова. И у меня, конечно же, а что... Да-да, жду.

— Не понял,— говорит он, когда отключает телефон,— загранпаспорта зачем-то понадобились... Сказал, всем быть на месте, через пятнадцать минут перезвонит.

В отделе оживление, перемена в настроениях, в глазах и лицах товарищей. Все идут на перекур.

— Это как-то связано с командировкой,— говорит Капитан Врунгель,— это же очевидно. А иначе зачем уточнять, у кого есть паспорта?

— Да, ослу понятно, на самом деле,— соглашается Диван,— раз командировка срочная, значит, нет времени на оформление, потому и уточняют, чтобы не было проблем. Ильич, по-моему, ты что-то темнишь! Сказывай, куда командировка. Я, в принципе, могу и перенести обследование.

— Ишь, какой быстрый! — со злой ухмылкой перебивает его Капитан Врунгель,— отложить обследование! Нет уж, уважаемый, обследование так обследование. Ильич, не слушай его, ибо ехать, по всему, должен я. Во-первых, у меня опыта больше, я, как вы знаете, уж поездил по командировкам — будь здоров, и знаю, что к чему. Во-вторых, я могу выступить по любому вопросу, касаемо деятельности отдела, и самое главное, в целом знаю английский. Со словарем. И вообще, Ильич, тут и думать нечего! Кроме меня и послать-то некого: у Стрюкова сессия, да и молодой ишо, по заграницам ездить, Серебряков — без паспорта, и работы у него невпроворот, а Дивана — вместо меня на конференцию, это вполне совместимо с обследованием, и — хоп! Задача выполнена...

В принципе, на Капитана Врунгеля это похоже, он всегда предлагает начальству самые лучшие варианты решения проблемных вопросов. При этом, как правило, его личные интересы соблюдаются и удовлетворяются максимально возможным образом. Всегда.

— Я вот что подумал,— Бодулай морщит лоб и прикуривает следующую сигарету от предыдущей,— наверное, все же, в эту командировку придется ехать мне... Думаю, что цена вопроса слишком высока, чтобы посылать рядового сотрудника, даже такого опытного и делового специалиста, как ты, Василий Васильевич. Это с одной стороны. С другой (лицо Бодулая становится непроницаемым, глаза превращаются в узкие щелки), у тебя, Василий, не всегда и не все в порядке с, как это получше сказать... моральным, что-ли, обликом в командировках... Да-да, и не смотри на меня так. Не думай, что о том, о чем ты тут нам рассказываешь после возвращения из своих поездок, не знают наверху. А я тебя раньше неоднократно предупреждал, но ведь тебе море по колено: то на поезд опоздаешь, и потом на машине нагоняешь, то про-

падаешь на два-три дня, и тебя найти не могут, то с алкоголем перебор. Одна только жалоба из гостиницы «Спорт» чего стоит... И хватит на меня волком тут смотреть! Я тебе как старший товарищ говорю. Ладно, пошли, сейчас звонить будет.

Мы возвращаемся в кабинет, каждый усаживается за свое рабочее место, но никто, естественно, ничего не делает — рабочий день окончен. По крайней мере, до выяснения всех обстоятельств, связанных с командировкой.

— А что, Ильич,— подает голос Диван из-за монитора,— давай, если босс тебя все-таки не отпустит, то я готов. А обследование перенесем ради такого дела. Я еще за границей ни разу не был.

— Ты и в командировках за последние пять лет ни разу не был, и что с того! — язвительно замечает Врунгель,— сидишь, только по телефону работаешь, а как шесть часиков простучало, так ты первый за портфель и на хауз, мол, извините, друзья, у меня рабочий день закончен... И плевать тебе на то, что товарищи сидят... глаза портят, спины гнут!

— Тихо, тихо, Василий, ишь, разошелся! — Бодулай нахмурился.— Иди-ка лучше в буфет прогуляйся, купи-ка всем водички с пузырьками, что-то пить захотелось. Можешь пивка дернуть, а то у тебя вид после выходных не очень свежий.

— У нас сегодня дежурный — Стрюков,— отрезает Капитан Врунгель,— пусть он идет. А вид у меня очень даже подходящий, просто ночь не спал, думал, как бы получше организовать работу в отделе.

— Вас послушать, Василий Васильевич, так я всегда — дежурный,— недовольно возражает Матроскин,— меня только никто не спросил. А может меня, как самого молодого, и, наверное, самого талантливого сотрудника, и следует послать в эту командировку?

На откровенную наглость Матроскина сначала никто не обращает внимания.

— А как же твоя сессия, зачеты-экзамены, как с этим быть? — спрашиваю я.

Наконец до всех дошло, о чем речь, но Стрюков игнорирует косые взгляды товарищей.

— Этот вопрос я решу, будьте спокойны, уважаемый Александр Евгеньевич.— Матроскин самодовольно развалился на стуле, закинул ногу на ногу, и добавил: — У меня все схвачено. Есть, в общем-то, варианты. Нет, это, конечно, только в том случае, если Николая Ильича не пустят за границу.

Он с явным удовольствием сказал слова «не пустят за границу», почти нараспев.

Диван презрительно смотрит на Матроскина, и сквозь зубы цедит: «пригрели змею...»

— А я давно знал, что Стрюков — проходимец! — картинно вскакивает со своего места Капитан Врунгель,— это ж надо, «все у него схвачено»! Ильич, накажи его, кайло ему в руки и — в забой! Пусть сессию сдает утром, а вечером, плавно переходящим в ночь, графики делает, архив приводит в порядок, хватит ему одной только перепиской заниматься...

В общем-то, это, конечно, игра, потому что все давно знают уловки и приемы, которые периодически использует Матроскин в своей практике для решения личных вопросов. Как правило, подкопаться невозможно, потому что у Матроскина всегда есть на все ответ и документальное подтверждение. Например, во время прошлой сессии он до зарезу понадобился боссу. Мы его не смогли найти ни дома, ни в Академии. Мобильный был вне доступа... Зато когда выяснилось, что Матроскин на неделю уезжал в Анапу, то он представил справку из Академии о том, что, как лучший слушатель, сдавший сессию на «отлично» (он также представил ксерокопии экзаменационных ведомостей по каждому предмету, и заверенную копию зачетной книжки), был поощрен льготной путевкой на море.

Поэтому Бодулай и пропустил все это мимо ушей. Сейчас у него много забот, я делаю такой вывод, глядя, как он морщит лоб, и с шумом выпускает воздух из легких. Потом, видимо, приняв какое-то решение, он встает, потягивается, прохаживается по кабинету, поигрывая связкой ключей, тихонько напевает: «Скажите, почему нас с вами разлучили...».

Снова трендит его мобильник, и все смотрят на Бодулая. Он прочистил горло и представился:

— Бодунов, слушаю вас. Нет, Ирунчик, не звонил пока, дел — невпроворот. И, наверное, командировка мне светит. Да, конечно нет! Пока не знаю, сейчас жду звонка от начальника. Да. Да. Да. Да выбрось ты их на мусорку, наконец! Все. Целую... да, перезвоню.

— Вот,— говорит он нам, когда заканчивает разговор с женой,— домой позвонить некогда, что за работа такая! И еще вы со своими выкрутасами... то еду, то не еду... Значит так. За меня остается Серебряков. Остальным подготовить личные планы и представить мне на утверждение к четырнадцати часам. Нечего балду бить, обследование, сессия, понимаешь, конференция. Приеду, спрошу с каждого, что сделано, со всей строгостью, по закону гор. Не дай Бог, кто-то мне не отчитается. А ты, Александр...

Он не успевает закончить свою мысль, звонит его рабочий телефон.

— Да, Станислав Иванович,— сразу говорит он в трубку, потом умолкает, затем как-то полуудивленно оглядывает нас — каждого по очереди.

— Да, конечно, Станислав Иванович, как прикажете, Станислав Иванович. Стрюков? Да, на месте. А? Да, справится, конечно! Сейчас прислать? Есть, понял.

Матроскин, укладывая в папку рабочую тетрадь и кое-какие бумаги (для солидности), напряжен и едва сдерживает выражение глубокого удовлетворения на лице, всем понятно, что в командировку поедет он. Это понятно из разговора, так же как и то, что босс назначил его лично.

— Ничего не понимаю,— с каким-то странным выражением лица произносит Бодулай,— давай, Саша, двигай в кабинет к Станиславу Ивановичу на инструктаж, там тебе все скажут.

Матроскин смотрится в зеркало, причесывается, поправляет галстук. Достает из ящика стола импортную туалетную воду, слегка себя опрыскивает и убегает. Через минуту возвращается — забыл заграничный паспорт в сейфе, вдруг сразу понадобится. Помахав всем ручкой, он опять выпархивает из кабинета.

Бодулай, почесав затылок, громко объявляет очередной перекур. Я и Капитан Врунгель с готовностью встаем с рабочих мест, Диван продолжает что-то изучать на экране своего монитора.

— Дмитрий Иванович, душа моя,— говорит ему Бодулай почти ласково,— приглашаю Вас лично перекурить, сотоварищи... Должны уже привыкнуть к тому, что если начальник приглашает на перекур, то ему есть-таки что сказать ...

— Повезло Матроскину,— выпуская облако дыма, мечтательно произносит Капитан Врунгель,— как всегда, везет дуракам и пьяным...

— Матроскин не дурак, и уж тем более не пьяный... иначе босс не назначил бы его лично,— резюмирует Дмитрий Иванович,— так что ты хотел нам сказать, Ильич?

— Я хотел сказать, что зря он с собой заграничный паспорт взял,— Бодулай смотрит в пол,— ибо командируется наш дорогой товарищ Стрюков в солнечный город Тюмень, там можно обойтись и простым общегражданским паспортом!

Самое странное, что никто не смеется. Хотя улыбки, медленно растягивающиеся на наших лицах, сливаются в одну большую улыбку, которая грозит оглушительно

лопнуть и разлететься на мириады больших и маленьких смешинок. Но лица остаются непроницаемыми, и виртуальная улыбка скукоживается и обвисает, как воздушный шарик, из которого спустили воздух. Потом отсмеемся, сейчас нельзя, не тот кайф. Это надо обсудить за бутылочкой пива, смакуя каждую деталь и вспоминая мельчайшие подробности дела. А пока необходимо сохранить сдержанно-деловую серьезность и, возможно, посочувствовать товарищу, когда он вернется в кабинет.

Тишина. Бодулай наслаждается эффектом, который произвело его сообщение. И, не давая нам опомниться, он продолжает:

— Командировка не на три недели, а на три месяца. Задание — по профилю направления, которое ведет Матроскин. А точнее, он должен поработать на нашем новом предприятии с сотрудниками, провести курс обучения и наладить работу.

Первым реагирует Диван.

— А как же его сессия, экзамены, зачеты... и все такое...

— Проблемы негров шерифа не волнуют,— с явным удовольствием отмечает Капитан Врунгель. И добавляет.— У него же «все схвачено», он сам сказал. А что ему, напишет бумагу за подписью Самого, и сдаст свою сессию потом, в перерывах между боями. Слушай, Ильич, а при чем тут тогда заграничные паспорта?

— Не знаю, это, видимо, из другой оперы, и к нашему делу они отношения не имеют.

Все аккуратно тушат сигареты и деловито возвращаются на рабочие места. Все же рабочий день давно начался, и у каждого из нас очень много дел.